

Ли Жун не знал, как унять бурю, бушующую в душе.

Густой туман, столь долго скрывавший от него истину, наконец прорезал тонкий луч света. Юноша хотел верить, что Хэ Даюн не лжёт: Биотехнологическая компания «Сухэ» действительно стояла за трагедией его семьи. Он обязан был поверить в это. Ему, как воздух, была необходима надежда.

Впервые он услышал название «Люйиньсуй» в первом полугодии одиннадцатого класса, в один из обычных выходных.

В тот день у Гу Нун был день рождения. Сразу после уроков Ли Жун отправился в торговый центр, чтобы купить матери в подарок недавно изданный альбом современной живописи. Эту книгу, только появившуюся в продаже, рекомендовали многие именитые критики. Ли Жун приметил её давно, точно зная, что матери она придётся по вкусу.

Проходя мимо лавок на первом этаже, юноша заметил палатку с сахарной ватой. Он подумал, что его мама, несмотря на любовь к высокому искусству, в глубине души остаётся женщиной, которой могут быть приятны такие простые, но пропитанные сладостью подарки.

Ли Жун с его холодной, отстранённой внешностью, шагающий по улице с огромным розовым облаком в виде Микки Мауса, невольно приковывал к себе взгляды прохожих. В то время он был нелюдим и молчалив, и столь пристальное внимание вызывало у него лишь глухое раздражение. Студент даже поймал себя на мысли: если родителей не окажется дома и они ушли праздновать куда-то в ресторан, все эти неловкие взгляды окажутся напрасными.

К счастью, он ошибся.

Едва переступив порог, Ли Жун увидел, как отец и мать обнимают друг друга. Они казались необычайно воодушевлёнными — это была не просто радость от дня рождения, а нечто гораздо большее. Сын негромко хмыкнул, стоя в дверях, и отвёл глаза, не желая мешать их искреннему порыву нежности.

Он услышал, как Гу Нун ласково прошептала мужу:

— «Люйиньсуй» — это лучший подарок. И не только для меня, но и для всех больных детей.

Ли Цинли поцеловал жену в щеку, и в его глазах отразилось бесконечное умиротворение. Перебирая её длинные волосы, он тихо ответил:

— Надеюсь, скоро мы сможем вручить этот подарок всем семьям, которые сейчас страдают. Пусть и они будут так же счастливы, как мы.

Взгляд Гу Нун был твёрд, она лучезарно улыбнулась:

— Это случится совсем скоро, мой супергерой.

В те годы Ли Жун не слишком интересовался работой родителей. Ли Цинли и Гу Нун уважали его выбор и никогда не навязывали ему свои интересы, считая, что истинное счастье — это возможность заниматься тем, что тебе по душе, согласно возрасту.

Слыша название препарата, он лишь делал свои выводы.

«О, должно быть, это очередной успех на работе. Ничем не отличается от моей победы на олимпиаде или звания лучшего ученика города»

Для него это было приятно, но вполне ожидаемо.

И всё же тот вечер казался ему удивительно прекрасным.

Гостиную заливал мягкий янтарный свет, в воздухе витал аппетитный аромат запечённой курицы. Раздался негромкий «динь» микроволновки, по телевизору передавали международные новости, а стрелки часов мерно и методично отсчитывали мгновения покоя. Его родители были счастливы в объятиях друг друга, а он стоял на пороге, сжимая в руках наивную сахарную вату, и чувствовал, как уличный холод постепенно отступает под теплом родного дома.

Вата бесшумно таяла, наполняя пространство вокруг приторно-сладким запахом.

Эта сцена навсегда врезалась в его память, став сокровенным воспоминанием, к которому он долгое время боялся даже прикоснуться.

Затем наступил Новый год.

Второй раз он услышал о «Люйиньсюе» в кабинете отца. Ли Цинли обсуждал с кем-то по телефону место проведения первой фазы испытаний. Его лицо было предельно серьёзным:

— Это должна быть клиника, которой мы полностью доверяем. Отбор добровольцев — строжайший. Это всего лишь первая фаза, всегда есть риск неудачи. Наши испытуемые — дети, поэтому у них не должно быть никаких сопутствующих патологий. В дальнейшем мы изучим влияние «Люйиньсюя» на другие заболевания, но сейчас чистота эксперимента — приоритет.

— Я понимаю, чего от меня ждут люди, как они на меня надеются. Но пока мы ограничимся группой в двести человек. Дело не в том, что мы жалеем лекарство. Через несколько дней я

дам интервью и всё объясню. Как только препарат пройдет сертификацию и поступит в продажу, цена будет доступной для каждого, обещаю.

— Не нужно спешить. Я всем сердцем желаю избавить детей от страданий и прекрасно понимаю чувства родителей, но мы не имеем права на ошибку.

Ли Жун стоял за дверью, попивая воду. Когда Ли Цинли положил трубку, юноша невзначай спросил:

— Уже первая фаза испытаний? Так быстро?

Ли Цинли, чей голос охрип от долгих объяснений, взял стакан из рук сына и жадно осушил его.

— Да, — выдохнул он. — Но я бы хотел, чтобы всё двигалось ещё быстрее. Каждый лишний день ожидания — это чья-то не спасённая жизнь.

Ли Жуну тогда казалось, что его отец — настоящий святой, наделённый каким-то неисчерпаемым состраданием ко всему миру.

Он вспомнил, как в начальной школе им задали сочинение на тему «Мои родители». Большинство одноклассников описывали мелкие бытовые радости и родительскую заботу, получая за это высшие баллы. Ли Жун же расписал возвышенные стремления Ли Цинли и Гу Нун спасти человечество. Учительница тогда поставила ему «четвёрку», посоветовав быть внимательнее к повседневной жизни и не увлекаться пафосными лозунгами.

— Хорошо-хорошо, великий праведник, пусть всё будет так, как ты хочешь, — шутливо пробормотал Ли Жун, забирая пустой стакан.

Ли Цинли с улыбкой легонько щелкнул сына по лбу и ласково произнес:

— Если когда-нибудь ты окажешься на моём месте, ты поймёшь, какой груз ответственности я несу.

Ли Жун с напускной серьёзностью покачал головой:

— Я не собираюсь тебя заменять.

Он искренне считал, что никогда не сможет встать в один ряд с родителями. Эта их страсть к науке, эта всепоглощающая любовь к жизни — даже ощущая исходящую от них теплоту и силу, он понимал, что ему не достичь подобных высот. Студент всерьёз полагал, что природа на нём отдохнула, сделав его человеком несколько холодным.

Тогда он верил, что родители будут рядом вечно. Всегда будут стоять на своей вершине, делая то, что считают правильным. Он и представить не мог, что его мир рухнет в один миг, и уж тем более не думал, что сам когда-нибудь ступит на тот же путь.

Вскоре для испытаний была выбрана Центральная больница «Цзяцзя». Первая фаза началась, а вместе с ней пришла катастрофа.

С самого начала новости были неутешительными. Отзывы о состоянии испытуемых становились всё хуже. Ли Цинли и Гу Нун буквально разрывались между лабораторией и клиникой, пытаясь проанализировать данные. Они проводили ночи напролёт в кабинетах, и Ли Жун, возвращаясь домой, видел лишь тёмную, пустую гостиную.

А потом случилась первая смерть.

Это было похоже на вскрытие ящика Пандоры. За первой смертью последовала вторая, третья... В итоге погибло двадцать детей.

Двадцать из двухсот. С точки зрения науки провал нового препарата — явление нередкое, но общество не могло смириться с гибелью невинных созданий, за судьбой которых следила вся страна.

В плотине общественного мнения образовалась брешь, и на его родителей обрушился сокрушительный поток ненависти.

В тот день погода была чудесной: штиль, яркое ласковое солнце, белоснежные перистые облака — обычный погожий день, который ничем не отличался от сотен других. Но для семьи Ли мир перевернулся.

Былое уважение, похвалы и доверие испарились в одно мгновение. Их сменили проклятия, оскорбления и лютая вражда. Родителей выставили чудовищными преступниками, обманувшими надежды нации.

Под давлением разгневанной толпы партнеры медицинской компании «Нунъань» один за другим спешили разорвать все связи. Плохие новости накатывали волнами: заморозка счетов, иски на огромные суммы, бесконечные обвинения и травля в прессе.

Следом поползли слухи. Публика всегда с восторгом наблюдает за падением кумиров, и людям было приятно думать, будто Ли Цинли и Гу Нун изначально были порочными — иначе как бы они создали такое смертоносное зелье? Самые нелепые и грязные сплетни принимались на веру мгновенно.

А потом родители ушли — внезапно и необъяснимо. Под аккомпанемент незаслуженных проклятий и злорадного шума толпы они превратились в прах.

Всё произошло слишком быстро. Даже сейчас, закрыв глаза, Ли Жун мог во всех деталях вспомнить тот уютный день рождения и короткий разговор в кабинете. Семнадцатилетний юноша не мог постичь жестокость этого мира. Он знал, что его родители были прекрасными людьми, и не понимал, почему судьба уготовила им такой конец.

Никто не мог дать ему ответ. Небеса выбирают жертв, не глядя на их заслуги; несчастья обрушиваются на людей случайно, и единственное, что остается — спасаться самому. Тот, кто раньше найдет в себе силы для борьбы, раньше увидит свет. Вера в этот свет — единственное, что позволяет не сойти с ума, хотя путь к нему устлан костями и оглашен рыданиями.

Ли Жуну оставалось лишь зажмуриться и оставить позади этот прах и стоны. Он обязан был верить, что его поиски — не иллюзия и не ловушка.

И слава богу. Наконец-то этот день настал.

Он сам не понимал, как ему удастся сохранять самообладание перед лицом Хэ Даюна, но он справился. Юноша разжал кулаки и спросил ледяным тоном:

— Какие доказательства у вас сохранились?

Пока что всё это было лишь теорией, стрелой, не положенной на тетиву. Только улики могли стать тем острием, что вскрыет плоть врага и заставит его заплатить по счетам.

Хэ Даюн, не подозревавший, кто стоит перед ним, лишь горько развёл руками:

— Да какие там доказательства... В то время я во всём полагался на «Сухэ», даже в мыслях не допускал, что они могут пасть. Мне достаточно было знать, куда везти товар, остальное меня не касалось. Чжэн Чжупань предупредил: лишние знания сотрут меня в порошок. Зачем мне было так рисковать?

Ли Жун скептически усмехнулся, прервав его:

— Хватит. Вы слишком хорошо знали натуру Чжэн Чжупаня, чтобы не оставить себе страховку на крайний случай.

Хэ Даюн поджал губы.

— Ну, разве что... тот фармацевт успел сделать один снимок. Фотография, на которой запечатлена отгрузка фальсификата Цзякэтина в Центральную больницу «Цзяцзя». Но парень трясся от страха, так что кадр вышел смазанным. Я уговаривал его снять видео, но он не осмелился.

— А ещё, — продолжил директор, — когда люди Чжэн Чжупаня следили за демонтажом линии, они удалили все записи с камер наблюдения. Но я подстраховался и заранее сделал копию архива. Правда... эта запись и против меня может обернуться.

На видео был запечатлен весь процесс производства некачественного препарата. Условия во Фармацевтической компании «Мэйцзян» никогда не соответствовали стандартам, а по указке Чжэн Чжупаня на санитарные нормы и вовсе закрыли глаза. Если эта запись всплывёт, компании директора не поздоровится, поэтому он и не спешил о ней упоминать.

Но, поразмыслив, мужчина понял: раскрыв секреты Биотехнологической компании «Сухэ», он уже прыгнул за борт тонущего корабля. Теперь его единственное спасение — в полном доверии к Цэнь Сяо, Ли Жуну и стоящим за ними структурам. Опыт подсказывал ему: выбрав одну сторону, еще можно победить, но «флюгеры» обычно заканчивают плохо.

Ли Жун протянул руку. Его челюсти были крепко сжаты, а слова звучали отчетливо и веско:

— Отдайте эти доказательства нам.

Его ладонь была очень бледной, лишь кончики пальцев чуть розовели. Если бы мастер хиромантии взглянул на узор его кожи, он наверняка счёл бы своим долгом предостеречь юношу: такая линия жизни сулит лишь невзгоды и вечную борьбу с роком.

Хэ Даюн тяжело сглотнул:

— Если я отдам их вам... что вы намерены делать?

— То, что вы нам сегодня рассказали, не выйдет за пределы этой комнаты, — глухо произнес Цэнь Сяо. — Сейчас мы собираем улики по другому преступлению «Сухэ Шэнъю». Когда общая картина сложится, компания ответит за всё. И будьте уверены, мы не забудем о вашей помощи.

Директор моргнул, вытирая холодный пот с подбородка.

— Другому... преступлению?

— Вам необязательно это знать, — отрезал Цэнь Сяо.

Но Хэ Даюн всё же осторожно уточнил:

— Это... это как-то связано с делом Ли Цинли?

Цэнь Сяо и Ли Жун внутренне напряглись. На мгновение в кабинете воцарилась тишина.

Собеседник, будучи человеком неглупым, истолковал это молчание по-своему:

— Я так, к слову пришлось... Просто как-то раз в городе А на банкете Чжэн Чжупань и его люди заговорили о Ли Цинли. Помнится, обсуждали какой-то препарат, над которым тот работал, — тоже от бактериальной прогерии. И, кажется, Ли Цинли замахнулся на средство, которое могло бы полностью излечить эту болезнь.

— Глава «Сухэ» тогда назвал его кретином. Мол, если болезнь победить окончательно, им всем придется сосать лапу. Он еще привел в пример какую-то зарубежную фирму: они создали настолько эффективное лекарство, что болезнь просто исчезла, а новых прорывных продуктов у них не было, и компания чуть не обанкротилась. Все за столом поддакивали и поносили Ли Цинли последними словами. Но у меня в деревне был родственник с этим недугом, на него было страшно смотреть... так что я к ним не присоединился.

— А Чжэн Чжупань тогда заявил: всякий, кто встанет у него на пути — не жилец. Мол, рано или поздно он раздавит этого Ли. Мы тогда решили — спяну болтает. Чжэн выглядел вполне довольным, шутил, смеялся... никто не принял это всерьез. А потом... с семьёй Ли действительно случилась беда.

Хэ Даюн замолчал. Почему-то ему стало не по себе под взглядом Ли Жуна. Глаза юноши были слишком чистыми и пронзительными, в их свете любая низость казалась обнажённой. Мужчина понимал, что для студента-биохимика его слова — сокрушительный удар по идеалам.

Биотехнологическая компания «Сухэ» считалась флагманом индустрии, авторитетом, образцовой компанией с безупречной репутацией. То, что он рассказывал сейчас, разрушало всякую веру в справедливость.

Впрочем, в глазах Ли Жуна этой веры, кажется, уже давно не было.

«Жаль, — подумал Хэ Даюн. — Такой талантливый парень. В честной среде он мог бы принести огромную пользу»

А может... именно этот юноша и сможет всё изменить.

Директор отвел взгляд, уставившись в щель между мраморными плитками пола.

— Я ведь не дурак, — продолжил он. — Я строил догадки. Слишком уж всё совпало. Чжэн Чжупань словно заранее знал, что Ли Цинли конец. Эх... Не повезло паре учёных. Любому здравомыслящему человеку ясно, что их подставили, но кто осмелится подать голос в такой обстановке?

— Я всегда думал, что кто-то должен начать расследование — Исследовательский институт «Хунсо» или, скажем, Отряд «Призрачный глаз». Но странно: прошел год, а тишина. Раз уж вы

взялись за «Сухэ», теперь-то мне всё ясно. Я так и знал: «Хунсо» не спустит на тормозах пропажу своего главного сокровища.

Ли Жуну хотелось рассмеяться, но в горле стоял ком. Слышать столь наивные рассуждения из уст Хэ Даюна было горько.

«Главное сокровище института исчезло, и все думают, что „Хунсо“ не успокоится. Но правда в том, что всем плевать»

«Следственная группа Девятого района... все уверены, что они обязаны были проверить версию о недобросовестной конкуренции. Но на деле никто пальцем не пошевелил»

Если бы он не выжил, если бы не было Цэнь Сяо — на этом бы всё и закончилось. Ложь стала бы частью истории.

— Улики, — ледяным тоном напомнил Цэнь Сяо.

Хэ Даюн помедлил, тяжело вздохнул и направился к своему столу. Кряхтя, он опустил свое грузное тело на корточки, так что брюки едва не лопнули по швам, с трудом открыл дверцу тумбы и вытащил небольшой сейф.

Прикрыв рукой панель, он ввел пароль. Раздался щелчок, дверца распахнулась, и директор достал USB-накопитель. Он передал запись и фотографии Цэнь Сяо, не сводя взгляда с его рук, словно отрывал от сердца нечто бесценное.

Хотя у него наверняка были копии, он чувствовал: сделав этот шаг, мужчина бесповоротно меняет свою жизнь.

— Вы ведь гарантируете, что с Фармацевтической компанией «Мэйцзян» всё будет в порядке?
— в последний раз попытался уточнить он.

Ли Жун подождал, пока Цэнь Сяо проверит файлы. Убедившись, что всё на месте, он холодно произнес:

— Хэ Даюн, я не стану передавать собранные мною улики в Девятый район. Вы сами отправитесь в соответствующие органы с повинной. Расскажите всё как есть, без утайки. Учитывая ваше чистосердечное признание, суд может проявить снисхождение. Это ваш единственный шанс на искупление.

Директор подскочил на месте так, что пол вздрогнул. Его лицо побагровело, он замахала руками и закричал:

— Какая еще повинная?! Вы же обещали защитить мою компанию! Если я признаюсь, меня же раздавят! Я покойник!

Взгляд Цэнь Сяо мгновенно похолодел. Он заслонил собой Ли Жуна, опасаясь, что Хэ Даюн в припадке ярости может причинить ему вред.

Но Ли Жун решительно отстранил руку друга. Он достал из кармана крестик, который носил с собой всё это время, и, зажав цепочку между пальцами, поднял его перед лицом директора.

Увидев знакомое украшение, Хэ Даюн осекся. Он замер, не сводя глаз с распятия. Это был оберег, который он вымолил для своего сына. Он строго-настрого велел Хэ Чанфэну никогда его не снимать.

Ли Жун чуть качнул рукой, и крестик мерно закачался в воздухе. В лучах солнца зеленый бриллиант вспыхнул холодным, спокойным светом.

— Я одолжил его у Хэ Чанфэна, — негромко сказал Ли Жун. — Ваш сын очень послушный. Хотя он и не разделяет вашу веру, этот крестик он носил, не снимая. Вы, человек верующий, совершали мерзости, попирая всякую совесть. А он, будучи атеистом, искренне мечтает о светлом будущем.

Голос Ли Жуна звучал ровно:

— Хэ Даюн, каким отцом вы хотите быть? В каком мире должен жить ваш сын? Решать только вам.

<http://bllate.org/book/15351/1500851>